

Секция «История»

**Телесность незримых существей: особенности аргументации в
медико-астрологическом трактате Марсилио Фичино "О жизни".**

Гурьянов Илья Геннадьевич

Студент

*Государственный университет - Высшая школа экономики, совместная
магистратура "История знания в сравнительной перспективе" ИГИТИ им.*

Поletaева и факультета истории, Москва, Россия

E-mail: ist.znaniya@gmail.com

В последнее время все больший интерес среди специалистов, занимающихся интеллектуальной историей, вызывает проблема понимания тела и телесного в русле европейской платонической традиции. В значительной степени это связано с обращением философов-платоников к языку материальных подобий, в том числе к телесным метафорам, для описания умопостигаемых существей. В настоящем докладе будет показана конститутивная роль тела и телесного в понимании природы человека и космоса в первой книге сочинения по астрологической медицине «О жизни» (*De vita libris tres*, 1489) Марсилио Фичино.

Марсилио Фичино (1433–1499) – флорентийский мыслитель и переводчик, находившийся под покровительством семейства Медичи. В истории европейской мысли раннего Нового времени он известен, прежде всего, как создатель масштабной историософской концепции «*prisca theologia*» («древней теологии»). Исследовательские контексты, в которых чаще всего фигурирует интересующий нас трактат «О жизни», связаны с историей ренессансной медицины (с акцентом на роль университетской традиции) [Copenhaver, 1984] и ренессансной астральной магией [Йейтс 2000, С. 46-78]. Однако вопрос о том, как именно Фичино понимает тело и телесное ранее специально не ставился.

В целом «О жизни» посвящено профессиональным рискам определенного рода занятий, а именно: вопросам здоровья ученых. В первой главе трактата Фичино так характеризует свою задачу: «Одного лишь лекаря недостает тем, кто усердствует в ученых занятиях; лекаря, который облегчит путь и поможет полезным для здоровья советом или лекарством тем, у кого уже есть и покровительство небес, и душа (*animus*), и отец семейства, и наставник. Я же обеспокоенный многострадальной судьбой людей, которые следуют путем Минервы, истончающей нервы (*Minervae minuentis nervos iter agunt*), буду первым лекарем для больных и здоровых» (здесь и далее перевод с латинского языка мой – И.Г.). В данном случае Фичино говорит о процессах, недоступных непосредственному наблюдению, оставаясь при этом в границах легитимного для медицинского знания объекта познания – человеческого тела. Обращает на себя внимание, что данное положение напрямую не соотносится ни с одной из авторитетных для XV-ого в. медицинских теорий, описывающих ментальные процессы. Однако дальнейший текст сочинения позволяет предположить, что флорентийский мыслитель понимает под телом и телесным нечто иное, чем материальную данность, доступную непосредственному наблюдению.

Итак, в приведенном выше фрагменте видно, что основанием для утверждения связи телесного устройства и мудрости, которая представляет собой интеллигибельное качество, является фонетическое созвучие двух выражений. Но в тексте первой книги

трактата «О жизни» можно обнаружить еще ряд сущностей, которые могут описываться как обладающие телом или же репрезентироваться посредством телесных метафор. Речь идет о Венере и Меркурии – образах чрезвычайно важных для астрологического дискурса Высокого Возрождения и изобразительной практики данного периода.

В первой главе трактата Фичино пишет: «Прежде всего, в небесах Меркурий побуждает или призывает (*vel impellit vel adhortatur*) нас к тому, чтобы мы, предаваясь исследованиям, вступали на путь Муз, ибо всякое исследование – удел Меркурия». В этом фрагменте речь идет о физическом (*impello*) и вербальном (*adhortor*) побуждении. Однако в нем со всей остротой отражена методологическая дилемма, разрешить которую в данном произведении Фичино так и не смог: могут ли звезды напрямую влиять на действия людей или же они выступают лишь знаками, «одобряющими» те или иные свободные человеческие решения. Важно, что «*Mercurius*» Фичино называет и полубоггерманского Гермеса Трисмегиста, который занимает одно из важнейших мест в историософских построениях флорентийца. Поэтому следующее далее выражение «всякое исследование – удел Меркурия» может быть понято как указание на вполне реального, по мнению Фичино, мудреца древности.

Обратимся к особенностям репрезентации образа Венеры в сочинении флорентийца. В первой главе он пишет: «Является и благодатная Венера – мать Граций, [благодатных Дев], которая своими животворящими и несущими радость лучами столь совершенно все устраивает и украшает, что всякая вещь... обращается во благо». Затем в восьмой главе она предстает как персонаж развернутой полу-аллегории, полу-мифа о вреде коитуса – и в этой функции вполне персонифицировано «грозит Музам», порождает в союзе с Приапом «чудовище», враждебное «уму» (*ingenio*) и т.д. Но в той же главе трактата Венера прямым текстом называется планетой, благоприятствующей созерцанию и красноречию. Причем в данном фрагменте Солнце названо «*Sol*», а не «*Phoebus*» – так Фичино именуется эту астрологическую сущность в начале трактата. Далее в двадцатой главе говорится о влиянии или «истечении» (*influxio*), которые Юпитер и Венера могут оказывать на изготавливаемые медиком пилюли, и здесь их статус вновь неясен: это антропоморфные божества или планеты? Однако важно, что саму эту связь Фичино называет «нашим открытием» («*nostra inventione*»). Об астральных влияниях, сопутствующих изготовлению талисманов и иным формам «низовой» магии, он был хорошо осведомлен: о них говорится в средневековом трактате «Пикатрикс». Очевидно, что новаторством Фичино считает сочетание герметико-окульных и медицинских практик, но на космологическом уровне данное действие опосредуется Венерой. И вероятно, важно, что эта астрологическая сущность репрезентируется как обладающая телесностью.

Подводя итоги можно сказать, что в построениях Марсилио Фичино тело человека или иной сущности предстает таким имманентным свойством, которое позволяет в любой момент в зависимости от замысла автора актуализировать фактически любой авторитетный контекст. То есть тело становится символом самого себя и другого, «неподобным подобием», если пользоваться терминологией поздних неоплатоников. Это позволяет по-новому взглянуть на конструкцию медицинского знания в эпоху Ренессанса.

Источники и литература

1. Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция / Френсис А. Йейтс;

пер. с англ. яз. Г. Дашевского. – М. : Новое литературное обозрение, 2000. – 528 с.

2. 2. Copenhaver B.P. Scholastic Philosophy and Renaissance Magic in the De vita Ficino // Renaissance Quarterly. – 1984. – Vol. 37, № 4. – P. 523–554.
3. 3. Ficino M. Three books on life: A Critical Edition and Translation with Introduction and Notes / by ed. Carol V. Kaske and John R. Clark. – Tempe ; N.Y. : University Press, 1988. – 524 p.